

0

53

569

2

53
569

РѢЧЬ,

произнесенная на актѣ Черниговской
Женской Гимназіи преподавателемъ
П. Н. Соловскимъ 1 Октября 1883 г.

Ивлечено изъ № 41-го Черниг. Губ. Вѣд. 1883 года.

ЧЕРНИГОВЪ
—
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1883

424

Р Б Н Р

П. Н. Соловьевъ 1 Октября 1883 г.
Женской Гимназии преподавателем
произнесенная на званіе Черниговской

Печатать дозволяется: Цензоръ, Вице-Губернаторъ А. Василевскій.
Г. Черниговъ. 11-го Октября 1883 года.
Печатано на № 41-го Чернил. Лав. Ряз. 1883 года.

ЧЕРНИГОВЪ
Губернская Типографія
1883

569

— 1 —

Р ъ Ч ъ,

произнесенная на актѣ Черниговской
Женской Гимназіи преподавателемъ
П. Н. Соловскимъ 1 Октября 1883 г.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

На дняхъ происходили похороны Ивана Сергѣевича Тургенева. Предъ гробомъ великаго писателя весь образованный міръ созналъ, насколько громадна эта утрата. Представители западной науки и литературы воздали праху его честь, достойную генія. Около двухсотъ депутацій возложили вѣнки на гробъ его. Почтимъ же и мы память нашего дорогаго писателя. Пусть эта моя небольшая рѣчь о немъ будетъ вѣнкомъ на его свѣжую могилу.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ родился 28 октября 1818 г. въ Орлѣ. Отецъ его былъ кирасирскимъ полковникомъ. Ранніе дѣтскіе годы Тургеневъ прожилъ въ деревнѣ Спасскомъ Мценскаго уѣзда. Странное явленіе: знаменитый русскій писатель, давшій неподражаемые образцы русскаго романа, писавшій ихъ образцовымъ русскимъ языкомъ, воспитывался подъ руководствомъ иностранныхъ гувернеровъ. О существованіи русской словесности онъ впервые узналъ отъ камердинера своей матери, который читалъ ему иногда знаменитую въ свое время «Россіаду» Хераскова. На двѣнадцатомъ году Тургенева отдали въ московскій частный пансіонъ, гдѣ онъ познакомился съ англійскимъ языкомъ. (Фран-

дузскій и нѣмецкій онъ хорошо изучилъ еще дома) Въ 1834 году онъ поступилъ въ московскій университетъ, а черезъ годъ, по случаю смерти отца, перешелъ на словесный факультетъ петербургскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ 19 лѣтъ отъ роду. Домашнее и университетское образованіе великаго писателя, по его собственному признанію, было крайне недостаточное. И вотъ въ 1838 году онъ ѣдетъ доучиваться въ Берлинъ. Тутъ онъ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи германскихъ профессоровъ, особенно ревностно изучая философію Гегеля. Его труды въ дѣлѣ самообразованія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Изъ заграницы онъ возвратился однимъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей. Свою литературную дѣятельность онъ началъ со стихотвореній; написалъ между прочимъ поэму „Параща“, которою такъ восхищался Бѣлинскій. Съ 1847 г. онъ начинаетъ издавать рассказы, составившіе знаменитыя «Записки охотника». Продолжалъ онъ свою литературную дѣятельность, какъ извѣстно, до самой смерти, выпуская одинъ романъ за другимъ. Въ 1863 году онъ переселился за границу. Жилъ сначала въ Баденъ-Баденѣ, а съ 1870 г. и до самой смерти въ Парижѣ. Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ. Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ его литературной дѣятельности.

Тургеневъ является великимъ представителемъ того литературнаго направленія, которое называется натурализмомъ и начало которому положено Гоголемъ. Смѣна литературныхъ направленій, начиная съ ложноклассицизма и оканчивая натурализмомъ, обуславливалась стремленіемъ свести поэзію съ жизнью. Въ ложноклассицизмѣ мы встрѣчаемъ полный разладъ между поэзіей и жизнью. Первые попытки такого сближенія видны еще у Державина. Сантиментализмомъ Карамзина и романтизмомъ Жу-

ковскаго сдѣланъ уже въ этомъ стремленіи большой шагъ впередъ: на мѣсто надуты-торжественной лиры ложноклассиковъ является поэзія внутренней, душевной жизни человѣка. Въ поэзіи Пушкина, перваго русскаго самобытнаго поэта, впервые обнаружилось вѣрное отраженіе русской дѣйствительности. Но Пушкинъ, по свойству своего таланта, былъ поэтомъ свѣтлой или, по выраженію Гоголя, эстетической стороны дѣйствительности. Есть еще другая сторона той же дѣйствительности, сторона темная; сторона житейскаго безобразія. Эту сторону дѣйствительности захватилъ безпощадный заморъ Гоголя. Такъ было положено Гоголемъ начало реальному направленію въ поэзіи, иначе называемому натурализмомъ. Въ этомъ направленіи поэзія не удовлетворяется тѣсными рамками художественныхъ симпатій, а беретъ себѣ содержаніе изъ всѣхъ явленій жизни, каковы бы ни были эти явленія. Таковъ именно общій характеръ и поэзіи Тургенева. Въ ней мы видимъ полное сближеніе поэзіи съ жизнью. Вся дѣйствительность открыта кисти наблюдательнаго и правдиваго художника. Здѣсь его великое литературное значеніе.

Но не въ этомъ только заключается, конечно, все величіе его таланта; конечно, не здѣсь только лежитъ причина того обязательнаго дѣйствія, какое производятъ на насъ его романы. Само собой разумѣется, что я далеко отъ мысли дать совершенно вѣрное и точное рѣшеніе вопроса о сущности таланта Тургенева. Но указаніемъ на существенныя черты великаго таланта, такъ сказать, анализомъ его кажется, можно дойти, по крайней мѣрѣ, до приблизительно-вѣрнаго рѣшенія этого вопроса. Отмѣчу сначала его удивительную наблюдательность, переходящую иногда въ поэтическую прозорливость. Его зоркій художническій глазъ видитъ часто мно-

тое тамъ, гдѣ обыкновенный ничего ни замѣчаетъ. Правдиво и точно передаетъ онъ свои наблюденія надъ природой и жизнью людей. Съ тонкимъ психологическимъ анализомъ рисуетъ онъ характеры своихъ героевъ и ихъ внутренній міръ. Его картины природы кажутся цѣликомъ перенесенными на бумагу, люди въ его романахъ—живые люди. Въ природѣ и душѣ онъ такъ же свободно читаетъ, какъ и въ книгѣ. Наблюдательность его особенно проявляется въ отношеніи перемѣнъ, какія происходили въ ходѣ общественной жизни. Своимъ творческимъ умомъ онъ угадывалъ значеніе только-что начинающейся перемѣны въ общественной жизни, и едва еще сознаваемой самимъ обществомъ. Не даромъ кто-то называлъ Тургенева манометромъ общественной жизни Россіи. Не даромъ значеніе его въ этомъ отношеніи сознаютъ и даже иностранцы. Тургеневъ много способствовалъ тому, что они причислили, наконецъ, Россію къ семьѣ культурныхъ народовъ. Онъ былъ сильнымъ окомъ на ихъ близорукіе иногда глаза, когда дѣло касалось достоинства русскаго человѣка. Но наблюденія нашего писателя надъ русскою жизнью не были холодными наблюденіями ученаго изслѣдователя. Онъ смотрѣлъ на жизнь, какъ въ высшей степени чувствительный художникъ. Реальное изображеніе дѣйствительности вездѣ у него согрѣто и смягчено идеальнымъ его міросозерцаніемъ. Это идеалистическій реализмъ, если можно такъ выразиться. Вотъ почему его поэзія, захватывая всѣ явленія дѣйствительности, не даетъ отрицательныхъ типовъ въ духѣ Гоголя, реалиста, какъ я сказалъ, грубой дѣйствительности. Исключенія въ этомъ случаѣ рѣдки и незначительны (напр. Ситниковъ и Кувшина въ романѣ «Отцы и дѣти»). Какой-то теплотой и задушевностью, такъ неотразимо влекущей къ себѣ читателя, дышатъ всѣ его

произведенія. Какая-то невидимая, но чувствуемая грусть разлита въ нихъ. Видишь въ немъ поэта, съ горячей симпатіей относящагося къ жизни, которую онъ изображаетъ. Горе родной страны всегда болѣе отзывается въ его чуткомъ и любвеобильномъ сердцѣ. Что касается языка произведеній Тургенева, то о немъ и говорить нечего; это неподобный русскій литературный языкъ.

Вотъ общій характеръ чуждаго таланта Тургенева. Если къ этому принять во вниманіе нравственную стойкость и многостороннюю образованность этого удивительнаго человѣка, то, кажется, будетъ понятна причина симпатіи, какою пользуется Тургеневъ, какъ у насъ, такъ и за границей.

Я не имѣю, конечно, возможности провѣрить на разборъ самыхъ произведеній всѣ, указанныя мною черты таланта Тургенева, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ чертъ слѣдуетъ чувствовать, а не уяснять себѣ холоднымъ логическимъ разборомъ. Остановлюсь, поэтому, на одной главной чертѣ его таланта чуткости къ новымъ явленіямъ общественной жизни.

Въ сороковыхъ годахъ въ русскомъ обществѣ начинается созрѣвать необходимость въ отменѣ крѣпостнаго права. И вотъ въ 1847 г. въ «Современникѣ» появляется рассказъ Тургенева „Хорь и Калинычъ“. Этотъ рассказъ, сразу обратившій на себя вниманіе публики, положилъ начало цѣлому ряду въ высшей степени художественныхъ рассказовъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «Записокъ охотника». Не смотря на то, что «Записки» заключаютъ въ себѣ отдѣльные рассказы, въ нихъ проходитъ одна общая мысль. Изображая бытъ помещиковъ и крестьянъ и взаимныя ихъ отношенія, эти рассказы обнаружили непривлекательныя стороны

крестьянской жизни подъ крѣпостною властью помещиковъ.

Въ „Запискахъ же охотника“ нашъ писатель въ лицѣ Гамлета Щигровскаго уѣзда положилъ основаніе цѣлому ряду типовъ такъ называемыхъ *лишнихъ людей*. Мы остановимся на самыхъ выдающихся изъ этихъ типовъ. Но, чтобы лучше понять, что это за типъ, слѣдуетъ сначала указать на то общественное явленіе, подъ вліяніемъ котораго создавались у Тургенева эти лишніе люди.

Еще съ двадцатыхъ годовъ въ русскомъ обществѣ начинаютъ появляться люди, чувствующие свою непригодность для жизни серьезной и разумной (Евгеній Онегинъ). Это были люди, съ одной стороны, непривыкшіе къ самостоятельному и производительному труду, съ другой, незнакомые съ потребностями и интересами русской жизни. Первая ихъ черта являлась необходимымъ слѣдствіемъ крѣпостнаго права, вторая—была дѣломъ той системы воспитанія и образованія, какая тогда господствовала.

Дома—французъ-гувернеръ, въ университетѣ—преимущественно отвлеченная наука. Гдѣ жъ тутъ было познакомиться, съ интересами родной жизни? Откуда могла взяться сила и умѣнье служить ей? А желаніе служить родной жизни должно было явиться тогда у передовыхъ русскихъ людей вмѣстѣ съ обнаруженіемъ стремленія къ самобытности и просвѣщенію. И явились новые люди съ такимъ желаніемъ, но явились безъ подготовки, т. е. безъ привычки къ серьезному труду и безъ знакомства съ русскою жизнью. Понятно, что они должны были на каждомъ шагѣ проявлять разладъ между словомъ и дѣломъ, да сознавать себя людьми лишними, неудачниками. Но, по мѣрѣ улучшенія условій русской общественной жизни, измѣнялся къ лучшему и типъ

лишняго человѣка. Обратимся теперь къ произведе-
ніямъ Тургенева и по нимъ въ краткихъ чертахъ
прослѣдимъ развитіе типа лишняго человѣка.

Первымъ типомъ въ ряду лишнихъ людей былъ,
какъ уже сказано выше, Гамлетъ Шигровскаго
уѣзда. Это типъ человѣка умнаго и образованнаго,
но сознающаго, что жизнь его пропадаетъ даромъ.
Дома онъ воспитывался подъ руководствомъ ино-
странца. Въ университетѣ онъ попалъ въ кружокъ.
А кружокъ, эта опека мыслительной дѣятельности,
съ его обыкновеннымъ поклоненіемъ краснобаю,
вредно повліялъ на Гамлета, отучивъ его отъ са-
мостоятельной умственной работы. Съ другой сто-
роны, университетскія отвлеченныя лекціи, съ фи-
лософіей Гегеля во главѣ, приучали его думать по
книгамъ, по мимо жизни. «Что въ томъ», говоритъ
онъ себѣ, «что голова у тебя велика, умѣстительна,
и что понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ
слѣдишь, — да своего-то особеннаго, собственнаго, у
тебя нѣту!» «Какую, скажите на милость», продол-
жаетъ онъ далѣе, «какую пользу могъ извлечь я
изъ энциклопедіи Гегеля? Что общаго, скажите,
между этой энциклопедіей и русской жизнью?» И
такъ, съ одной стороны, онъ вышель человѣкомъ
несамостоятельнымъ, потому что привыкъ думать
чужимъ умомъ, съ другой, совершенно незнакомымъ
съ русскою жизнью. И вотъ, анализируя свою соб-
ственную личность, онъ приходитъ къ горькому
убѣжденію въ пустотѣ и бесплодности своей жизни.
Такою же бесплодностью отличается и жизнь дру-
гаго лишняго человѣка — Рудина. Разница между
ними та, что Гамлетъ начинаетъ съ самоотрицанія,
съ сознанія пустоты своей жизни, а у Рудина такое
самосознаніе явилось уже поздно, послѣ ряда благо-
ряда жизненныхъ неудачъ. Краснорѣчиво говоря о
дѣятельности, основанной на разумныхъ стремле-

ніяхъ, и только говоря, онъ воображалъ, что дѣлаетъ дѣло. Въ разговорѣ съ Наташей, героиней романа, онъ пресерьезно увѣряетъ ее, что ему «пора отдохнуть». Между тѣмъ, всякій разъ, какъ жизнь ставила его въ необходимость взяться за настоящее дѣло, провести въ самую жизнь тѣ прекрасныя стремленія, о которыхъ онъ такъ краснорѣчиво говорилъ, вся рѣшимость его пропадала. Достаточно вспомнить его послѣднее свиданіе съ Наташей, гдѣ онъ, краснорѣчивый ораторъ и философски образованный человѣкъ постыдно пасуетъ предъ молоденькой, провинціальной дѣвушкой. Только послѣ многихъ подобныхъ неудачъ въ жизни онъ приходитъ къ сознанію, что «фраза его сгубила», и умираетъ, сражаясь за дѣло чужаго народа, какъ будто на Руси и дѣла никакого не было.

Лаврецкій въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» представляетъ дальнѣйшее развитіе типа лишняго человѣка. Въ началѣ онъ такъ же, какъ и Рудинъ, отличается нечего-недѣланьемъ. Отецъ его хотѣлъ сдѣлать изъ сына «человѣка вообще»; къ этому было направлено и воспитаніе молодаго Лаврецкаго, которое было поручено швейцарцу. Но «швейцарское» воспитаніе, дѣлая изъ него «человѣка вообще», не приоровило его къ условіямъ и потребностямъ родной жизни. Здѣсь, слѣдовательно мы опять видимъ безпочвенность воспитанія. Неудивительно, что и Лаврецкій вышелъ лишнимъ человѣкомъ. Но онъ во всякомъ случаѣ стоитъ выше Рудина. Послѣдній принималъ слово за дѣло. Этому Лаврецкій не дѣлаетъ. Онъ ищетъ настоящаго дѣла; и въ концѣ концовъ находитъ дѣло, хоть ненастоящее, хоть не такое дѣло, отдавшись которому онъ считалъ бы себя счастливымъ, но все-таки дѣло. Онъ выучился пахать землю и, на сколько могъ, упрочилъ быть

своихъ крестьянъ. Обращаясь къ молодому поколѣ-
нію, онъ говоритъ: «Вамъ не придется, какъ намъ,
бороться, падать и вставать среди мрана; мы хло-
потали о томъ, какъ бы уцѣлѣть... а вамъ надобно
дѣло дѣлать, работать! Здравствуй, одинокая смерть!
Догорай, бесполезная жизнь! Значить, Лаврецкій не
былъ еще человѣкомъ, нашедшимъ полное успокое-
ніе въ дѣлѣ».

За «Дворянскимъ гнѣдомъ» появился романъ
Тургенева «Наканунъ». И въ этомъ романѣ еще
нѣтъ русскаго человѣка дѣла. Правда, Инсаровъ,
герой романа, человѣкъ дѣла, но онъ болгаринъ, а
не русскій. Россія находится еще *наканунъ* появ-
ленія новыхъ людей, людей дѣла, если уже возможны
такія дѣвушки, какъ Елена. Вотъ что говоритъ
смыслъ романа.

Въ слѣдующемъ романѣ «Отцы и дѣти» Турге-
невъ въ лицѣ Базарова отозвался на только-что
появившійся нигилизмъ. Базаровъ, погидимому, че-
ловѣкъ дѣла. Но какое это дѣло? Начавшись съ
критическаго отношенія къ выработаннымъ нача-
ламъ жизни, оно приводитъ къ беспощадному отри-
цанію всего святаго и драгоцѣннаго въ жизни че-
ловѣка—религіи, нравственности, искусства, любви.
А безъ этихъ принциповъ разумной жизни человѣка
не можетъ быть, конечно, человѣкомъ дѣла. Онъ
скорѣе сдѣлается работающей машиной. По край-
ней мѣрѣ, отъ этого, очевидно, добивается Базаровъ,
когда говоритъ, что «природа не храмъ, а мастер-
ская, и человѣкъ въ ней работникъ». Да и самъ
Базаровъ скоро попадаетъ въ сѣти своего парадок-
сальнаго поведенія. Отрицая, на примѣръ, любовь,
называя ее чувствомъ напускнымъ, онъ, какъ во-
сторженный идеалистъ, влюбляется въ Одинцову.
Понятно, что этотъ типъ—произведеніе реакціи съ

ея заблужденіями и увлеченіями, одинъ изъ типовъ переходныхъ отъ людей лишнихъ къ людямъ дѣла.

Такъ быстро и такъ вѣрно угадывалъ Тургеневъ значеніе новыхъ потребностей, интересовъ, идей, едва только начинающихъ проникать въ общественное сознаніе.

Теперь я остановлюсь не надолго на женскихъ типахъ Тургенева, которые также отмѣчены печатью наблюдательности и зоркости ума поэта. Здѣсь Тургеневъ долженъ имѣть особенное значеніе для русскихъ женщинъ. Послѣ Татьяны Пушкина въ романахъ Тургенева мы впервые находимъ цѣльные типы настоящей русской женщины, типы, въ которыхъ Тургеневъ обнаружилъ вѣрное и глубокое пониманіе натуры русской женщины, такъ богатой душевными силами. Для поясненія этой мысли достаточно остановиться на трехъ выдающихся женскихъ типахъ Тургенева: на Лизѣ изъ «Дворянскаго гнѣзда», Натальѣ изъ «Рудина» и Еленѣ изъ «Наканунѣ».

Лиза—это типъ простой русской дѣвушки. Въ этихъ трехъ словахъ вся суть ея характеристики. Она просто и естественно себя держитъ, чѣмъ особенно поразила Лаврецкаго, трудолюбива, религіозна, неособенно даже развита. Но обыкновенна и проста она на первый взглядъ, какъ, можетъ быть, многія русскія дѣвушки; а случись необходимость выйти изъ колеи этой обыкновенности—она проявитъ такой запасъ нравственныхъ силъ, что останется только удивляться, откуда что берется. Такъ и случилось съ Лизой. Она полюбила Лаврецкаго; этотъ, находясь съ женой въ разводѣ и считая ее умершей, уже мечтаетъ о счастьѣ съ Лизой. Но оказывается, что жена Лаврецкаго жива. Мы не знаемъ, какъ поступила бы въ этомъ случаѣ другая дѣ-

вушка, но для Лизы выше всего было исполненіе долга. Она совѣтуетъ Лаврецкому сойтись съ женой, а сама добровольно прощается съ молодою жизнью и счастьемъ, запираясь въ монастырѣ. Вѣрное-ли было (у Лизы) понятіе долга, или нѣтъ,—это вопросъ другой, но у ней былъ долгъ и она исполнила его. Тутъ мы видимъ особенную и драгоцѣнную черту русской женщины—покорное исполненіе долга. Въ этомъ отношеніи Лиза напоминаетъ другую нравственно-сильную русскую дѣвушку, Татьяну изъ «Евгенія Онѣгина», приходятъ на умъ ея слова Онѣгину:

Но я другому отдана

И буду вѣкъ ему вѣрна.

Наталя изъ «Рудина» въ умственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше Лизы. Послѣдняя полюбила Лаврецкаго не потому, что бы видѣла въ немъ особенную нравственную силу, а просто потому, что Лаврецкій былъ хорошій человекъ. Наталя же увлекается Рудинымъ именно за его прекрасныя стремленія. Правда, эти прекрасныя стремленія, какъ мы, уже знаемъ, были у Рудина только на словахъ, но вѣдь трудно же было молоденькой дѣвушкѣ сразу разгадать, что такое Рудинъ. Наталя такъ же, какъ и Лиза, проявила богатый запасъ энергіи: полюбивъ Рудина, она рѣшилась разстаться со всѣмъ, въ чему привыкла съ дѣтства; не колеблясь, она готова была промѣнять богатую аристократическую обстановку на счастье съ бѣднымъ и неизвѣстнымъ человекомъ. Тутъ она стоитъ неизмѣримо выше самого Рудина. Припомнимъ тоже свиданіе ихъ на плотинѣ, гдѣ Рудинъ играетъ такую жалкую роль.

Да не только въ этомъ романѣ, вездѣ, гдѣ дѣло касается борьбы въ достиженіи разумной цѣли къ жизни, женщина у Тургенева оказывается выше, энергичнѣе мужчины. «Вы, женщины», читаемъ мы въ «Перепискѣ», «выше насъ (мужчинъ)... въ мелочахъ вы скорѣе насъ сдадитесь; но чорту въ глаза посмотрѣть вы умѣете лучше насъ. Я говорю вамъ: терпите, боритесь до конца, и знайте, что сознание честно выдержанной борьбы едва-ли не выше торжества побѣды... Побѣда зависитъ не отъ васъ... Съ бою счастья не возьмешь. Но не должно забывать, что не счастье, а достоинство человѣческое—главная цѣль жизни».

Еще выше—развитѣе, энергичнѣе стоитъ Елена изъ «Наканунѣ». Это одна изъ натуръ, страстно жаждущихъ дѣла, да такого дѣла, которое поглотило бы все ея существованіе, на которое она могла бы отдать всю свою жизнь. Она и полюбила то Инсарова настолько за его личные качества, сколько за величіе того подвига, который хочетъ тотъ принять на себя. «Освободить родину», говорить она, «Эти слова даже выговорить страшно, такъ они велики. И дѣйствительно, Елена вся отдается на служеніе дѣлу Инсарова. Даже послѣ преждевременной смерти его она остается въ Болгаріи на родинѣ своего мужа.

Вотъ все, что я намѣренъ былъ сказать о талантѣ Тургенева. Если мы въ его романахъ и не находимъ типа людей, совершающихъ дѣло служенія русской жизни, то мы въ правѣ въ самомъ Тургеневѣ видѣть именно такого человѣка дѣла. Сознвая непригодность своихъ героевъ для разумнаго и плодотворнаго дѣла, онъ все-таки всегда выставлялъ на видъ, что въ жизни есть цѣль, стремленіе къ которой можетъ доставить человѣку пол-

ное нравственное удовлетвореніе. «Я до сихъ поръ думаю», говорить онъ устами героя «Переписки», «что въ Божьемъ мірѣ все честное, доброе истинное—примѣнимо и, рано или поздно, исполнится, и не только исполнится, но уже теперь исполняется; держись только каждый крѣпко на своемъ мѣстѣ, не теряй терпѣнія, не желай невозможнаго, но дѣлай насколько хватаетъ силъ». Еще яснѣе выражается эта мысль въ словахъ героя «Фауста». Одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслажденіе, жизнь тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное,—вотъ ея тайный смыслъ, ея загадка; не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышенны ни были—исполненіе долга: вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку. Не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща». У Тургенева были эти желѣзныя цѣпи. Вѣрой и правдой служилъ онъ своему долгу въ продолженіе всей своей долголѣтней жизни. Младенчески чистый сердцемъ, честный и нравственно-стойкій онъ былъ и всегда будетъ для насъ учителемъ добра и правды. А наша современная жизнь, милостивые государи, нуждается въ такихъ двигателяхъ общественнаго самосознанія. Печальныя заблужденія молодыхъ умовъ, хищенія, самоубійства, о которыхъ чуть ли не ежедневно читаешь въ газетахъ,—эти несчастія нашего времени о чемъ другомъ прежде всего говорятъ, какъ не о томъ, что есть въ нашей жизни недостатокъ въ принципахъ религіозныхъ и нравственныхъ. Да, утрата такихъ людей, какъ Тургеневъ, истинное горе.

2010515776